

ОТКУДА НАЧИНАТЬ ЗАНОВО?
Введение, сделанное Давиде Проспери
на международной встрече ответственных «Общения и освобождения»
Ла-Тюиль, 26 августа 2022 г.

- *Гимн Святому Духу*

Добро пожаловать! Лично благодарю каждого из вас за то, что вы приехали сюда со всего мира, чтобы провести вместе эти дни после кризиса, вызванного пандемией, и, без сомнения, в непростой момент истории Движения.

Каррон тоже пожелал приобщиться к встрече, отправив письмо, которое он попросил донести до вас и которое я сейчас вам прочитаю:

«Дорогие друзья, сердечно приветствую вас в начале этой международной встречи ответственных, собравшей вас со всего мира, чтобы вы сделали новый шаг на пути, проторенном отцом Джуссани. „Обстоятельства, через которые Бог ведет нас, представляют собой главный, а не второстепенный фактор нашего призвания, нашей миссии. Если христианство – возвешение того факта, что Тайна воплотилась в человеке, то обстоятельства, в которых мы перед лицом всего мира занимаем по отношению к этому факту ту или иную позицию, определяют само наше свидетельство“ (L. Giussani. *L'uomo e il suo destino. In cammino.* Genova: Marietti, 1999. P. 63).

Я с изумлением увидел, как эта мысль отца Джуссани воплотилась в группе больных, с которыми я недавно встретился. Меня поразило, что дар Духа, данный отцу Джуссани, позволяет нашим страдающим друзьям, следующим за ним, принимать болезнь и даже смерть с уверенностью в любви Отца, на которую они отвечают в послушании, предаваясь ей с тихой радостью, удивляющей людей, видящих, каким образом они переживают эти обстоятельства на их пути.

В наших больных я увидел отражение фразы фон Бальтазара, которая сопровождала меня в последнее время: „Изначальное доверие [Иисуса] Отцу, не замутненное никакой подозрительностью, основано на общении Святого Духа с Отцом и Сыном: Дух в Сыне поддерживает живым незыблемое доверие, в силу чего любое установление Отца... будет всегда проистекать от любви [Отца], Коему теперь, когда Сын стал Человеком, подобает отвечать человеческим послушанием“ (H. U. von Balthasar. *Se non diventerete come questo bambino.* Casale Monferrato: Piemme, 1991. P. 31).

Такое же „незыблемое доверие“ созрело в тех, кто последовал за встречей, навсегда отметившей нашу жизнь, пребывая в определенном месте – жизни Движения, благодаря которому Христос стал нам близким и с отцом Джуссани дал нам испытать, что „величайшая радость жизни человека – ощущать, как Иисус Христос живет и пульсирует в плоти наших мыслей и нашего сердца“ (L. Giussani. *Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo.* Cinisello Balsamo (MI): San Paolo, 2007. P. 53).

Желаю вам, чтобы на вашей встрече, собравшей вас со всего мира в столетнюю годовщину со дня рождения отца Джуссани, господствовала благодарность Духу Святому, даровавшему его нам. В простоте сердца признаём, что дар харизмы, к которому причастен каждый из нас, помогает нам переживать любое обстоятельство в жизни Церкви с сознанием, к которому призывал священников из Движения Иоанн Павел II: „Подлинное движение существует как душа-кормилица в рамках института. Это не альтернативная ему структура, а источник присутствия, постоянно возрождающий его экзистенциальную и историческую аутентичность. И потому священник должен находить в движении свет и тепло, делающие его способным быть верным своему епископу, готовым к исполнению обязанностей перед институтом и внимательным к церковной дисциплине, чтобы становился более плодотворным трепет его веры

и вкус его верности“ (*I movimenti nella missione della Chiesa. Tre discorsi di Giovanni Paolo II. Supplemento a «Litterae Communionis CL».* N. 11. 1985).

Точно так же и каждый из вас призван замечать плодотворность собственной веры и вкус верности присутствующей Тайне в послушании тому, за кем Церковь велит нам следовать сейчас, – Давиде, ради единства Движения и в готовности принять то, что папа Франциск скажет нам на аудиенции 15 октября. Все эти годы я старался служить Движению в рамках вверенной мне ответственности, первым следуя за знаками Тайны, действующей в нашем большом Братстве. И теперь я желаю и дальше служить нашему единству как один из вас.

„Как в эти месяцы проверил предложение взять на себя личную ответственность за харизму? Что ты открыл, какие вопросы у тебя возникли?“ Вопросы, которые Давиде поставил на этой встрече ответственных, играют решающую роль в нашем призвании. От ответа каждого зависит определение миссии, к которой Господь призывает нас в Церкви и в мире.

Жертвую мои дни за тех из вас, кого я знаю, и за многих, с кем никогда не встречался, но кого ощущаю в равной степени друзьями на дороге к Судьбе.

Ваш друг на пути Хулиан Каррон».

Теперь споем вместе.

Песня: *La strada*¹

Сегодня вечером я собираюсь не просто сделать введение, скорее я хотел был бы обобщить и рассмотреть в свете дальнейших перспектив основополагающие вопросы, возникшие за этот год на фоне пережитых нами драматических событий, чтобы попытаться оживить в нас и в наших друзьях, с которыми мы поделимся плодами работы этих дней, сознание о том, чего просят от нас нынешние обстоятельства, наша история и Церковь, о том, какую задачу они ставят перед нами на настоящем этапе жизни нашего Движения, а также, чтобы понять, какие факторы создадут наилучшие условия для продолжения этой истории.

Отправной точкой работы, ожидающей нас в эти дни, станет как раз то, что будет сказано сейчас и что было прожито за год. Диалог между нами позволит подвести итог и поможет совершить следующие шаги. Таким образом, мы можем считать, что перед нашей международной встречей ответственных стоит историческая задача. Перед вами стоит историческая задача в отношении нашего Движения. Я остановлюсь на шести пунктах.

1. Вопрос, с которого следует начать: за что мы держимся?

«Обстоятельства, через которые Бог ведет нас, представляют собой главный, а не второстепенный фактор нашего призвания»², – услышали мы только что из письма Хулиана.

На мой взгляд, эти слова отца Джуссани, слова, которые мы часто повторяли в последние годы, обретают в свете момента, переживаемого нами как Движением, особый вес и остроту. Действительно, если мы посмотрим на прошедший год, то не сможем не признать (думаю, тут мы все согласимся), что обстоятельства, через которые Бог провел нас, расшатали лодку нашей компании, породив во многих растерянность и замешательство, а в ком-то – горечь и даже озлобленность. Поэтому как никогда актуально спросить себя: в каком смысле это конкретное обстоятельство является главным фактором нашего призвания, то есть включает в себе слово, которое Тайна желает сказать нам, призыв, с которым Тайна обращается к нам? Что Тайна хотела сказать через все случившееся и какого ответа она просит от нас?

¹ C. Chieffo. *La strada // Canti*. Milano: Soc. Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 241.

² L. Giussani. *L'uomo e il suo destino. In cammino*. Genova: Marietti 1820, 1999. P. 63.

Уверен, в каждом из вас созрел или зреет личный ответ на эти вопросы, и надеюсь, плоды этой работы проявятся во время совместных собраний, чтобы обогатить всех, идет ли речь о найденных ответах или же о еще существующих вопросах и недоумении. Мы здесь, чтобы помогать друг другу идти вперед, и ни у кого из нас – у меня точно – нет готовых ответов на всё.

Учитывая сказанное, я хотел бы начать с первого фундаментального ответа: во время бури, когда все кажется зыбким, мы вынуждены спрашивать себя, за что на самом деле мы держимся, на чем основана наша надежда. Отец Лепори напомнил нам об этом убедительным и запоминающимся способом, когда в конце второй лекции упражнений Братства поставил перед нашими глазами образ святого Павла, который, терпя кораблекрушение, понимает, что для спасения всех его спутников, а также его самого, ему остается только одно: прилепиться ко Христу. «Павел <...> хватается за присутствие Того, Кем он стоит. Он спокоен и радостен, в нем нет ни капли страха, ведь ему достаточно Иисуса, Воскресшего»³.

Вот, как мне кажется, первое великое слово, которое Господь сказал и говорит нам через «удары», сотрясавшие в последнее время лодку нашей компании, слово, в действительности являющееся вопросом: «За что вы *на самом деле* держитесь?» Или точнее: «Что в опыте Движения вам *дороже всего*?» Формулировка не случайна: тот же самый вопрос император задает христианам в знаменитом эпизоде «Краткой повести об Антихристе» Соловьева: «Странные люди! <...> Скажите же мне сами, вы, христиане... что всего дороже для вас в христианстве?» Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: „Великий государь! Всего дороже для нас в христианстве сам Христос – Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно“»⁴.

Думаю, перефразируя слова старца, и мы можем сказать: дороже всего в Движении для нас Тот, Кто является началом этой жизни, ее истоком и содержанием, – Иисус Христос. Если мы любим отца Джуссани (а мы горячо его любим!), так это потому, что он, как никто другой, приблизил Христа к нам, позволил испытать соответствие между реальностью Христа и глубинными ожиданиями нашего сердца, нашей человечности. Подобным образом, если мы привязаны к чадам отца Джуссани, которые ввели нас в опыт харизмы «Общения и освобождения» (я имею в виду не только Хулиана, которого, пользуясь возможностью, благодарю за его письмо, но и многих мужчин и женщин, посвятивших всю жизнь тому, чтобы приобщать других к красоте произошедшей с ними встречи, как слуги Божии Энцо Пиччинини и Андреа Ациани, а также те, кто и сегодня отдает жизнь ради этого), так это потому, что через них, через их глаза и голос мы встретили взгляд и голос Того, Кто изменил их жизнь, Человека из Назарета, единственного, кто может сказать о Себе: «Я есмь жизнь твоей жизни».

2. «Христос – жизнь жизни»: в сердцевине охватившего нас события

В отце Джуссани мы нашли не просто необычайного человека. Без сомнения, он был и им (знавшим его это хорошо известно). Но мы здесь сегодня *не поэтому*. Мы здесь, потому что этот человек – разумеется, с помощью всего того, что его составляло: темперамента, чуткости, ума, взгляда, голоса, – сумел передать нам хотя бы в какой-то мере удивление, которым он жил, удивление, которое, когда он говорил (многие из нас это помнят), словно струилось из его глаз. Взволнованное удивление, которое он переживал *перед событием Христа*, воспринятого и признанного как свершение бесконечной жажды истины, красоты, любви, жизни, пламеневшей в его сердце, а значит, как источник взгляда, полного взволнованной жалости перед тайной сердца любого встреченного человека. Позвольте мне еще раз перечитать слова,

³ М. Дж. Лепори. *Христос – жизнь жизни*. Упражнения Братства «Общения и освобождения», 2022. С. 66.

⁴ В. С. Соловьев. *Краткая повесть об Антихристе* // В. С. Соловьев. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 754.

которыми отец Джуссани описал день, момент, когда событие Христа охватило его и навсегда изменило его жизнь.

«„Не ценой своих усилий, – пишет Камю в своих *Записных книжках*, – становится человек великим. Величие, если Богу угодно, приходит, как прекрасный день“. Для меня все случилось в удивлении этому „прекрасному дню“, когда преподаватель в девятом классе (мне было пятнадцать лет) прочитал и объяснил первую страницу Евангелия от Иоанна. Тогда обязательно было читать эту страницу в конце каждой мессы, и потому я слышал ее тысячу раз. Но наступил „прекрасный день“: всё благодать. Как говорит Адриен фон Шпайр, „благодать наводняет нас: такова ее суть [благодать есть Тайна, сообщающая о Себе; суть этого сообщения Тайны в том, что она наводняет, охватывает нас]. Она не разъясняет пункт за пунктом, а излучает свой свет, подобно солнцу...“ Спустя сорок лет, читая слова фон Шпайр, я понял, что произошло со мной, когда тот преподаватель объяснил первую страницу Евангелия от Иоанна: „Слово Бога, то, чем все стоит, стало плотью, – говорил он. – А значит, красота стала плотью, добро стало плотью, справедливость стала плотью, любовь, жизнь, истина стали плотью: сущее не пребывает в платоновской гиперурации, оно воплотилось, стало одним из нас“. <...> Вот в этом всё. С самого юного возраста мою жизнь буквально пронизало именно это: как память, неотступно господствовавшая в моих мыслях, и как побуждение к тому, чтобы переоценивать банальную повседневность. С тех пор мгновение больше не было для меня банальным»⁵.

Покорившая нас харизма связана прежде и больше всего с опытом, о котором говорит отец Джуссани. Конечно, можно часами детально описывать, какими исключительными человеческими качествами он обладал, и это важно делать, если харизма Движения и правда не существует на уровне отвлеченных понятий и дошла до нас через человечность и даже темперамент⁶ конкретной личности. В то же время я все лучше понимаю, что в слове «харизма» словно заключена двусмысленность, по крайней мере для слуха мирянина, как я и как большая часть присутствующих здесь, кто не закусывает богословием утренний кофе. В общепринятой лексике человек, наделенный «харизмой», «харизматичный» человек увлекает за собой, он прирожденный лидер, умеющий очаровывать других. Безусловно, в слове «харизма», как используем его мы, есть и эта идея. Слово «харизма», в понимании Джуссани и, я бы добавил, в церковном понимании, указывает на особый образ переживания, восприятия веры Церкви, говорения о ней и ее передачи, который, как раз в силу присущего ему оттенка, объединяет, привлекает людей и потому порождает народ⁷. Решающую роль тут играет не привлекательность необычайной личности «харизматичного» человека, а *очарованность Христом*, которую харизматичный человек, в том числе и благодаря данной ему силе притяжения, способен пробудить в тех, кто его встречает и следует за ним. Эта мысль может показаться очевидной, но стоит ее повторить. Кардинал Ратцингер в его памятной проповеди на похоронах отца Джуссани, говорил: как ни парадоксально, мы настолько чтим отца Джуссани потому, что, думая о нем, мы думаем о человеке, отдавшем себя целиком и полностью, чтобы вести нас не к себе, а ко Христу, к Человеку из Назарета, Который наполнял его глаза слезами,

⁵ L. Giussani. *Come nasce un movimento // L'avvenimento cristiano. Uomo Chiesa Mondo*. Milano: Bur, 2003. P. 31–33.

⁶ Cf. L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. Milano: Bur, 2002.

⁷ См. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М., 2019. С. 109–111. Об этом на упражнениях Братства говорил и отец Лепори: «Если хорошо подумать, мы увидим, что, по сути, любая церковная харизма представляет собой особый способ, особое воплощение передачи между людьми призыва Христа, обращенного к их свободе, чтобы те, кого он охватил, вышли, подобно Марии из Вифании, из своей безмолвной боли и достигли присутствия Воскресшего, наполняющего жизнью нашу жизнь. <...> Любая харизма до того, кто в ней участвует, доносит этот притягательный призыв, притягательный, потому что соответствующий всему, чего желает, само того не зная, мое сердце. В харизме, которую Бог избрал для тебя, этот призыв достигает тебя наиболее прекрасным, конкретным и истинным образом» (Ср. М. Дж. Лепори. *Христос – жизнь жизни*. С. 59).

когда тот говорил о Нем. Ратцингер сказал: «Ведя людей не к себе, а ко Христу, он завоевал сердца, помог сделать мир лучше, открыть врата мира для Неба»⁸.

3. От притягательной встречи к суждению веры

Я хотел бы остановиться на этом пункте, поскольку, на мой взгляд, его последствия глубже, чем может показаться, и не только для нашего понимания харизмы, ее функций, цели, ради которой Тайна породила ее и позволила нам ее встретить, но и для того, чтобы понять содержание опыта, который мы хотим помогать друг другу проживать.

Прежде всего, как нас учили⁹, харизма на экзистенциальном уровне была и есть для каждого из нас тем конкретным способом, посредством которого событие Христа охватило нас, стало интересным и значимым в нашей жизни. Можно сказать, что харизма – это человеческое лицо, через которое событие Христа достигло и привлекло нас. Все начинается со встречи с иным, привлекательным человеческим присутствием, таинственно и неодолимо соответствующим сердцу, хотя ты и не знаешь почему. Как часто отец Джуссани вел нас к пониманию решающей важности этого начала в развитии веры, помогая нам вжиться (с его исключительной остротой психологического прозрения) в опыт, который Иоанн и Андрей пережили в первой встрече с Иисусом¹⁰.

Однако эта изначальная привлекательность есть именно *начало*, отправная точка пути, а не *пункт назначения*. Если точнее, в начале уже заложено все, но в форме семени, которое должно прорасти, созреть, достичь ясного сознания о содержании испытанной привлекательности, о *причинах этой привлекательности*. Сколько раз отец Джуссани подчеркивал: ученики, будучи с самого начала уверенными в том, что они встретили Мессию¹¹, еще не вполне поняли, *Кем в действительности был Иисус*, что значило, что Он был *Мессией*. Даже им, встретившим в высшей степени исключительную человечность, которая только появлялась на лице земли, «Знак знаков»¹², как говорил отец Джуссани, даже им, предстоявшим перед человечностью Сына Божия, потребовался путь, путь, сотканный из исправления, то есть из разрушения их частичных истолкований, чтобы они наконец дошли, благодаря помощи Духа Святого, до зрелого суждения веры, до суждения веры, в силу которого апостол Павел говорит: «Что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня»¹³. Если мы не доходим до этого, если человеческая привлекательность, с которой мы встретились, не доводит нас до этого, до того, чтобы все больше признавать и все проще обращаться на «Ты» к этому «светловолосому человеку», как осмеливался называть Его Джуссани, словно давая нам живое представление о характерных чертах личности Иисуса, Человека, Который есть Бог, вочеловечившийся *ради меня*, – если мы не доходим до этого, вся привлекательность не достигает цели. Позвольте прочесть вам хотя бы один из множества отрывков, где отец Джуссани описывает этот путь.

«Встреча, из которой рождается убедительный образ Христа, в которой начинаешь догадываться, что Христос имеет непосредственное отношение к жизни, представляет для жизни интерес, – это встреча с компанией или даже с одним-единственным человеком, и ты не столько

⁸ Й. Ратцингер. Цит. по: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 1189.

⁹ «Харизма – тот способ, каким достигает тебя Событие. Ты как расслабленный: оно достигает тебя, и ты всю жизнь будешь отталкиваться от этого воспоминания...: твоё лицо, твой характер будут сформированы, то есть твой характер будет укреплен, подчеркнут этим воспоминанием. <...> А харизма всегда достигает тебя через слова, через речь, через, если точнее, встречу. Встреча: ты встретился с этой компанией; таким образом тайна Иисуса... постучала в твой дом» (L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. P. 7).

¹⁰ Cf. L. Giussani. *Riconoscere Cristo // Il tempo e il tempio. Dio e l'uomo*. Milano: Bur, 2014. P. 37–74.

¹¹ *Ин.* 1:41.

¹² Cf. L. Giussani. *Il Segno dei Segni // Tracce*. N. 3. 1998. P. I–VII.

¹³ *Гал.* 2:20.

понимаешь, что в там, в них, Христос, сколько она заставляет тебя говорить: „Почему эти люди такие?“ И дальше, когда они тебе говорят: „Посреди нас Господь, и поэтому мы такие“, – ты начинаешь понимать, что, вероятно, они говорят правду. <...> Так ты встречаешь компанию и говоришь: „Только посмотри, какие они!“ И они говорят: „Есть Иисус Христос, нужно приступить к Причастию“, – и ты идешь к Причастию, чтобы пойти с ними, и начинаешь слышать и, слыша снова и снова, в один прекрасный момент говоришь: „Должно быть, все действительно так, есть что-то иное“. Тогда случается переход (и печально, если не случается): это что-то начинает приобретать внушительность, превосходящую даже внушительность компании; так компания становится стабильной, надежной. Ты начинаешь путь, встречаясь с другом, подругой или видя группу людей, чем-то интересных, и идешь за ними. И ты слышишь, как они говорят, что они интересны, потому что „среди них Господь“, и ты идешь за ними с некоторым любопытством, но тебя еще не определяет эта компания, она еще не обуславливает тебя. В какой-то момент, однако, призыв набирает силу... и тебя поражает, что люди говорят тебе: „Мы вместе по этой причине“. Это качественный скачок в сравнении с первым впечатлением; и тогда ты начинаешь относиться к этому всерьез: если раньше ты не шла к Причастию, теперь ты идешь причащаться каждый день или каждый день молишься. Чем последовательней ты придерживаешься этой эволюции, тем Иисус становится важнее этих лиц, вместе взятых. Даже больше, Он становится настолько важным, что ты понимаешь: без Него лица исчезли бы и тебе бы „надоело“! <...> Компания говорит: „Мы вместе ради этого“, а человек не принимает ее слова всерьез и довольствуется компанией, ему нравится компания, он не смотрит на причины. Клянусь, пройдет немного времени, и он бросит и компанию! Реальность, не имеющая адекватных причин, исчезает. А адекватная причина нашей компании – что-то иное»¹⁴.

Последние слова цитаты Джуссани, как мне кажется, помогают нам сосредоточить взгляд на негативной стороне вопроса, а именно: вполне нормально, что вначале притягательный знак, посредством которого Тайна вышла мне навстречу, внушает бóльшую привязанность, больше вовлекает меня с точки зрения привязанности, чем даже Тайна, чьим зна́ком является знак. Но если *со временем* ничего не меняется, если не случается перехода, описанного Джуссани, перехода, в силу которого «Иисус становится *важнее* лиц» тех, кому я обязан жизнью (ведь они привели меня к Нему!), тогда начинаются проблемы. Это как если бы я в мои пятьдесят лет упорно хотел бы пережить с моей мамой такие же отношения, как когда мне было два или три. Нормально, что для двухлетки мама – это всё. Однако, если так продолжается, когда ребенку стукнуло пятьдесят, как мне, значит, что-то в воспитательном процессе переключилось. Сколько раз отец Джуссани напоминал нам о реальной возможности остановиться перед притягательностью знака! Разумеется, он всегда повторял, что именно в знаке мы и встречаем Тайну, вплоть до головокружительного высказывания: «Знак и Тайна совпадают»¹⁵. Однако *со-падают* значит *сходятся вместе*, то есть Один идет мне навстречу *через* другой, это не значит, что они *идентичны*. Если мы упускаем из виду тот факт, что между знаком и Тайной есть не только схожесть и соучастие, но и различие – *бесконечное* различие, то знак перестает быть знаком и превращается в идола. Знак является таковым, когда ведет меня за свои пределы, когда берет меня за руку и помогает мне все больше познавать и любить Тайну, Иисуса Христа, знаком Которого выступает компания, знаком, как говорится в другом известном выражении Джуссани, «неудовлетворительным, приблизительным, основанным на аналогии»¹⁶.

¹⁴ L. Giussani. «Tu» (o dell'amicizia). Milano: Bur, 1997. P. 175–176.

¹⁵ Среди многочисленных текстов, в которых отец Джуссани затрагивал эту тему, см.: L. Giussani. *Ogni cosa: Mistero e segno // Tracce*. N. 6. 1999, P. I–XVI; L. Giussani. *Mistero e segno coincidono // Affezione e dimora*. Milano: Bur, 2001. P. 239–259.

¹⁶ «Будьте внимательны: Иисус среди нас может быть началом целого мира человечности, полного радости и дружбы, полного... помощи, конкретной как в формальном, так и в материальном смысле, которую Он готов

В этом смысле в только что процитированном тексте меня поразило и другой момент, драгоценный, на мой взгляд. Что значит, что человеческий знак, благодаря своей притягательности, привлекая меня к себе, одновременно выталкивает меня за свои пределы, направляет к превосходящей его реальности, то есть ко Христу? Конечно, это значит очень многое, и я сейчас не буду составлять список. Меня поразило, что здесь отец Джуссани подчеркивает Причастие, Евхаристию: «Если раньше ты не шла к Причастию, теперь ты идешь причащаться каждый день»¹⁷. Меня поразило этот момент, поскольку он словно пролил свет на отношение знака и Тайны, притягательности харизмы и отношения со Христом, о которых мы говорим. Действительно, что такого невероятного в том, чтобы съесть кусок хлеба? На первый взгляд, ничего. Думаю, даже знание о том, что этот кусок хлеба есть Тело Иисуса Христа, как искони учит Церковь, сегодня не слишком бы впечатляло меня, не вызывало бы во мне особого интереса, любопытства, взволнованности, если бы со мной не случилась встреча, которая сделала Иисуса Христа живым присутствием в моей жизни, а потому сделала таким интересным и, более того, жизненно важным, этот крошечный кусочек хлеба, который я принимаю, подходя к Причастию.

Именно встреча с харизмой Движения познакомила меня со Христом. И потому отцу Джуссани и Движению я в буквальном смысле обязан всем. В то же время, чем дальше я иду, тем лучше понимаю, что у медали есть обратная сторона, не менее важная, чем только что описанная. Я бы сказал так: с каким Христом я познакомился во встрече с Движением? С Христом Джуссани? Разве существует Христос Джуссани или Христос Движения, Христос, опыт Которого можно переживать отдельно от Евхаристии или от учения о Нем, достигающего меня через Церковь. Естественно, нет: Иисус, в Которого я влюбился благодаря Джуссани, есть Иисус, с Которым я наиболее мощным и действенным образом встречаюсь как раз в Евхаристии, даже если священник, преподающий Причастие, самый неприятный или самый жалкий из всех, кого я знаю¹⁸.

нам оказать, однако Иисуса можно свести до уровня „портрета прекрасной женщины, высеченного на ее надгробии“. Если бы Иисус появился здесь в молчании – *softly* – и присел бы вон на тот стул... и мы вдруг заметили бы это, не знаю, в скольких из нас изумление, благодарность, радость... не знаю, в скольких из нас привязанность возникла бы действительно спонтанно... Я не могу любить, если нет этого узнавания, памяти, и благоговения, и послушания и ученичества, и следования, и взгляда, жаждущего учиться, и готовности принести жертву вплоть до смерти, с какой я думаю о Тебе, смотрю на Тебя, следую за Тобой, если все это не становится конкретным, настолько конкретным, что это Тебя, Господи, я люблю: Ты тот, Господи, кого я люблю. „Чего человек желает сильнее, чем истины?“ И что есть истина? Человек присутствующий, человек присутствующий: его нельзя сточить или смыть с прекрасного и радостного облика компании людей, которые должны быть его зна́ком! Так происходит, когда говоришь Ему „Ты“ по-настоящему, со всем самосознанием твоего „я“: чем глубже самосознание, тем более крепкой, великой, истинной, простой и чистой является преданность Ему... Такая компания есть *знак* – неудовлетворительный, приблизительный, основанный на аналогии (потому что для знака характерно все это), – реальность мира иного! <...> Присутствие Христа в мире – чудо нашей компании. Но это лишь видимая вершина того знака, который „уходит на глубину там, где он истиннее“, или, точнее, это вершина знака, который в любых других обстоятельствах тонет в расхожем смысле, который в любых других обстоятельствах тонет в обычном естественном ходе вещей. Поэтому, когда любишь все сильнее, когда все сильнее предпочтение, и любить – значит говорить „я“ с порывом, какого другие не знают, или говорить „ты“ с порывом, какого другие не знают, речь не идет о том чтобы самортизировать вес нашей дружбы, рассеять действенную насыщенность глаз, уст, лиц, слов, пения, сердца, компании, прекрасной, как наша, речь о своего рода острой необходимости провозглашать Твое Имя, о Христе: „Спасибо, что Ты показал Себя и сел здесь с нами“» (L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. P. 150–153).

¹⁷ L. Giussani. «*Tu*» (o dell'amicizia). P. 176

¹⁸ В документе *Iuvenescit Ecclesia* мы читаем: «Как утверждал Иоанн Павел II, „Подлинные харизмы не могут не стремиться ко встрече со Христом в Таинствах“» (*Iuvenescit Ecclesia*, 12). См. также: «Считаю своим долгом вновь препоручить Вашему Святейшеству как никогда трепещущее в сердце глубочайшее волнение, пробужденное самым авторитетным и ясным суждением о нашем опыте этих пятидесяти лет, а именно словами Вашего Святейшества в письме от 11 февраля 2002 г. по случаю двадцатой годовщины папского признания Братства „Общения и освобождения“: „Движение хотело и хочет указать не одну из возможных дорог, а ту *единственную*

Поэтому нет никакого противостояния (этому нас учил отец Джуссани¹⁹, и об этом нам напомнил Каррон в письме, которое я читал в начале) между любовью к встреченной харизме и почтением ко всему, что мы могли бы назвать *институциональным измерением* Церкви и что включает не только авторитетное учительство папы и епископов, но и объективные источники опыта и познания Христа, оберегаемые Церковью: Слово Божие и Таинства. Нет никакого противостояния, поскольку благодать охватившей нас харизмы не подменяет собой эти другие «знаки» или «инструменты», которые Сам Господь пожелал дать как верный путь к Себе, и уж тем более она не должна вести к пренебрежению их ценностью. Скорее она должна давать нам взгляд, способный *стократно* ценить эти инструменты. Например, не думаю, что у меня возникло бы желание читать Евангелие или послания апостола Павла, если бы я не услышал, как их читал и комментировал Джуссани (моя первая настоящая встреча произошла на упражнениях студентов, когда я услышал, как отец Джуссани читал Евангелие от Иоанна). Однако, это не значит, что слова Джуссани превозносятся над Словом Божиим. Это значит, что он был и остается тем, кто больше всех помог и помогает мне проникать в смысл Слова Божия, кто делает его для меня интересным и понятным. То же касается и других вещей: молитвы, удовольствия от дружбы, от суждения о культуре – всего, что составляет наш опыт. Все эти измерения являются частью жизни Церкви, но встреча с харизмой помогла мне понимать и переживать их увлекательным образом.

Перейду к следующему, предпоследнему пункту. Воспользуюсь выражением, которое двадцать пять лет назад было в моде, а потом немного подзабылось.

4. Взаимозначимость института и харизмы

Буду откровенным: я так подчеркивал негативную, как я назвал ее, сторону вопроса и сознательно расставлял сильные акценты, потому что в последние месяцы, поездив по разным общинам и получив многочисленные письма от членов Братства, я должен был констатировать (с долей грусти), что для некоторых из нас говорить о Церкви как об институте, о Церкви папы и епископов – значит говорить о вышестоящей структуре, отяжеляющей жизнь правилами и поучениями, имеющими мало или никакого отношения к живому опыту веры, к живому опыту харизмы. Иными словами: с одной стороны, есть жизнь, живой опыт Христа, существующий благодаря притягательности *харизматического присутствия*, привлекающего нас и помогающего жить; с другой стороны, есть институциональный авторитет Церкви, с ее нормами, с ее доктринальными предписаниями, никак не связанными с жизнью, которым, однако, стиснув зубы, нужно подчиняться, ведь мы, в конце концов, католики! Так вот, я думаю, мы должны помочь друг другу решительным образом преодолеть подобную дихотомию, сознательную или несознательную, поскольку именно здесь (по крайней мере, на мой взгляд) корень тех сложностей, с которыми многие из нас сталкиваются, пытаюсь понять, какой шаг зрелости Церковь просит нас сделать. Это одна из задач, стоящих перед нами в настоящий момент. Попробую сформулировать так: проблема не столько в избыточном акценте на харизматическую составляющую, как будто ошибочно подчеркивать тот факт, что опыт харизмы

дорогу, что ведет к разрешению этой жизненной драмы. Дорога, как вы неоднократно говорили, – это Христос“. Я никогда не намеревался что-либо „основывать“, и кроме того, как мне кажется, дух Движения, которое родилось на моих глазах, – в том, что мы ощутили острую потребность говорить о необходимости возвращения к изначальным аспектам христианства, увлеченность христианским событием как таковым в его самобытных составляющих, и ничего более» (Л. Джуссани. *Письмо Иоанну Павлу II по случаю пятидесятилетия Движения*, 26 января 2004 г.).

¹⁹ Отец Джуссани делает длинное и важное замечание по этому поводу в книге: Л. Джуссани. *Прочертить след в истории мира*. С. 129–134.

укрепляется и возрастает в следовании за авторитетным присутствием людей, притягивающих нас в силу зрелости, с которой они сами живут харизмой. Это верно и непреложно, более того – с этого все началось. Мы много раз говорили и повторили только что: христианство передается с помощью привлекательности. Проблема же, как мне кажется, заключается в том, чтобы воспринимать этот фактор – фактор привлекательности – как единственный стоящий, единственный, заслуживающий внимания, словно он один подпитывает наши отношения со Христом, и словно наш личный вкус (хотя мы и называем его весьма приблизительным термином «соответствие сердцу») – единственный критерий, на основании которого можно установить, что является голосом Христа, а что нет. Что ж, позвольте мне сказать следующее: такие мысли – не иначе как обман, ложь, поскольку, как говорилось выше, Христос, в Которого мы влюбились благодаря харизме отца Джуссани, – это не Христос его фантазий и уж точно не Христос *наших* фантазий, не Христос наших истолкований, а Христос, вверивший Свое реальное присутствие в истории и истинное свидетельство о Себе Симону Петру и апостолам, то есть тому, что мы называем «институтом»²⁰.

Тут мы затрагиваем одну из центральных тем, над которыми в ближайшее время мы призваны размышлять чуть глубже, чем мы делали до сих пор. Я имею в виду тему *взаимозначимости* института и харизмы в жизни Церкви (этот знаменитый термин был введен Иоанном Павлом II, позднее к нему вернулся папа Бенедикт XVI, и, наконец, он использован в документе *Iuvenescit Ecclesia*).

Позволю себе прежде всего подчеркнуть, что речь о проблеме ни в коей мере не абстрактной и не далекой от жизни, то есть от опыта, который мы переживаем в Движении. Действительно, сознаем мы или нет, то, как мы воспринимаем это отношение, отношение между ролью авторитета в институциональном смысле и ролью авторитета харизматического, *фактически* (и в значительной степени) определяет значение, которым мы наделяем два слова, имеющих основной вес в том опыте, какой мы хотим помогать друг другу переживать: «следование» и «авторитет»²¹. Что значит *следовать за авторитетом*? Вот подлинный, центральный вопрос, в отношении которого Церковь просит нас сделать шаг *критического сознания*, то есть глубоким образом пересмотреть весь наш опыт.

Говоря коротко, что подразумевается под взаимозначимостью иерархических и харизматических даров, если прибегнуть к терминологии документа *Iuvenescit Ecclesia*?

Чтобы не слишком затягивать (надеюсь, у нас будет возможность остановиться на этом подробнее), хочу сделать лишь три кратких замечания по этому поводу, скорее чтобы открыть дискуссию, а не поставить в ней точку, или же, если угодно, предложить направление для размышлений.

Первое замечание. Под взаимозначимостью подразумевается тот факт, что иерархические дары (то есть институциональный авторитет) и дары харизматические (харизмы, которые Бог дает, кому хочет, ради созидания Церкви) «взаимосвязаны с самого начала»²². Здесь говорится, что харизма и институт не противопоставлены (будьте внимательны!), но и не просто сопоставляются, словно они приносят плоды независимо друг от друга, параллельным образом. Это все равно что говорить: «Да, в Церкви существует и то, и другое, нужно и то и другое,

²⁰ Из документа *Iuvenescit Ecclesia*: «Дар Духа Святого в Церкви связан с миссией Сына, которая непревзойденным образом совершилась в пасхальной тайне. <...> Поэтому Дух Святой никоим образом не может положить начало икономии, отличной от икономии божественного воплощенного *Логоса*. Изначальная связь между иерархическими дарами, которые даются с благодатью Таинства Священства, и дарами харизматическими, свободно уделяемыми Духом Святым, коренится в отношении между божественным воплощенным *Логосом* и Духом Святым, Который есть Дух Отца и Сына. Чтобы избежать неоднозначных богословских взглядов, постулирующих „Церковь Духа“, отличную и отделенную от иерархической и институциональной Церкви, необходимо еще раз подчеркнуть, как две божественные миссии взаимоподразумеваются *во всяком даре*, данном Церкви» (*Iuvenescit Ecclesia*, 11).

²¹ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Milano: Bur, 2011. P. 215–222.

²² *Iuvenescit Ecclesia*, 10.

и институт и харизмы, но и то и другое действует и созидает христианский народ по-своему, независимо друг от друга». Нет, взаимозначимость подразумевает, что они могут приносить плод только – только! – в общении друг с другом, в синергии друг с другом, в помощи друг другу. Институт, то есть Церковь папы и епископов, чтобы приносить плоды в своей миссии, должен получать подпитку и помощь от динамической и пророческой силы харизм (помните, кто слышал, выступление кардинала Марка Уэлле на конференции, посвященной движениям, которая состоялась в июне²³?). С другой стороны, харизмы не могут по-настоящему приносить плод, если не служат Церкви, возглавляемой Петром, если не позволяют себя вести и исправлять²⁴.

Таким образом, каждый из двух элементов нуждается в другом, ни один из двух, можно сказать, не приносит плод в *одиночку*, как будто, чтобы быть действенным, необходима лишь благодать, исходящая напрямую от Бога. Нет, Церковь говорит: каждый, даже папа, нуждается в *помощи* других людей, таких же, как он, чтобы *его дар* плодоносил.

Отец Лепори на упражнениях Братства затронул эту мысль прекрасным образом, когда говорил об отношении Петра с Иоанном – «самым „харизматичным“, самым большим мистиком» среди учеников Иисуса. Он, в частности, остановился на знаменитой сцене, в которой Петр и Иоанн бегут ко Гробу, как она описана в Евангелии от Иоанна: «Все явления и действие Христа и Духа Святого, Которого Воскресший, дунув, дал ученикам, все харизмы (потому что харизма – жизнь Воскресшего в жизни Церкви, в жизни мира) – все верно, если подтверждено Петром в его опыте Христа живого и присутствующего. <...> Иоанн, бывший, пожалуй, самым „харизматичным“ среди апостолов, самым пронизательным, самым большим мистиком, самым большим пророком, самым пламенным в любви и дружбе со Христом, отнюдь не черпал во всем этом причины, чтобы чувствовать собственное превосходство; он понял, что, выбрав Петра первым, Учитель дал ему, Иоанну, верный путь, чтобы жить своей харизмой в следовании за Христом. Уже направляясь к Гробу в пасхальное утро, он, бежавший быстрее Петра, останавливается и ждет. Почему? Потому что хочет войти во Гроб *вслед* за Петром, хочет веровать в рамках следования, как он научился, следуя за Иисусом»²⁵.

С другой стороны, Петр призван не просто распознавать великую харизму, которую Господь дал Иоанну, но и подпитываться от нее, и в этом смысле Петр призван следовать за Иоанном не меньше, чем Иоанн за ним, «как когда после чудесного лова рыбы [Иоанн] говорит ему: „Это Господь!“ – Тут уже, – продолжает отец Лепори, – *Петр послушен харизме Иоанна*, потому что тот помогает ему признать присутствие Воскресшего, к Которому он устремляется первым, бросившись в воду, чтобы и все другие могли еще раз и всегда следовать за ним к Иисусу»²⁶.

5. Авторитет и авторитетность: от Церкви к Движению

Второе замечание. Развивая дальше мысль, введенную в учительство Церкви Иоанном Павлом II, Бенедикт XVI добавил одно важное для нас уточнение. Эта взаимозначимость, это динамическое единство институциональной и харизматической составляющих касается не только отношения харизматических образований вроде «Общения и освобождения» и авторитета Церкви. Она касается и внутренней жизни самих харизматических образований, в особенности, когда необходимо гарантировать им преемственность и развитие после смерти

²³ *Movimenti e nuove comunità. La formazione sui carismi. Sessione pomeridiana. clonline*, 20 giugno 2022.

²⁴ В документе *Iuvenescit Ecclesia* со ссылкой на догматическую конституцию *Lumen Gentium*, 7, говорится: «Ради освящения каждого члена народа Божия и ради миссии Церкви в мире среди многообразных даров „особо выделяется благодать апостолов, власти которых Дух подчиняет даже носителей духовных [харизматических] даров“».

²⁵ М. Дж. Лепори. *Христос – жизнь жизни*. С. 61–62.

²⁶ *Там же*. С. 62.

основателя. В документе *Iuvenescit Ecclesia* мы читаем: «Папа Бенедикт XVI не только подчеркивал их [института и харизмы] взаимозначимость, но и углубил утверждение своего предшественника, напомнив, что „Церкви и главные институты являются харизматическими [то есть в них плодотворно действует Дух Святой; подумаем о Таинствах], а с другой стороны, харизмы должны тем или иным образом институционализироваться, чтобы сохранять последовательность и преемственность. Таким образом, оба измерения... вместе способствуют тому, чтобы в мире присутствовала тайна и спасительное дело Христа“»²⁷.

Оба измерения «*вместе способствуют*» тому, чтобы Христос присутствовал, – утверждает папа Бенедикт; почти как Симон и Иоанн, *вместе бегущие* ко Гробу. И так происходит, заметьте, в *любой церковной среде*, в том числе и в харизматической среде нашей, если она собирается длиться во времени. Так что же, все сказанное передает мысль отца Джуссани о том, каким Движение должно было быть после его кончины? Говорить, что нашему Движению необходимо, чтобы в нем переплетались объективный авторитет и харизматическая авторитетность и чтобы один элемент нуждался в другом, но не смешивался с ним, – говорить так значит предавать *идею будущего Движения*, которая была у Джуссани? Думаю, нужно всерьез задать себе этот вопрос. Я уверен, что нет. В эти месяцы я часто слышал, как, ссылаясь прежде всего на концовку знаменитого текста «Самая большая жертва – отдать жизнь ради дела Другого»²⁸, на котором, безусловно, мы еще остановимся, люди повторяли, что Джуссани предлагает взгляд на роль авторитета в Движении, аналогичный взгляду Церкви. С учетом необходимых уточнений, на которых я сейчас не могу останавливаться, я разделаю это мнение. Вне всяких сомнений, Джуссани предлагает такую аналогию. Однако проблема заключается в том, как мы понимаем авторитет в Церкви: основан ли он для нас на единстве и в то же время различии между Петром и Иоанном, между институциональной и харизматической составляющей, или же мы, к примеру, теоретизируем, что Петр и Иоанн должны *всегда обязательно* сливаться в одном человеке, то есть глава должен быть самым харизматичным человеком, а самый харизматичный человек (при условии, что можно установить, кто это) – главой.

Позвольте мне завершить это второе замечание цитатой отца Джуссани. Как известно, Джуссани, особенно в текстах девяностых годов, часто проводит различие между двумя значениями слова «авторитет», значениями, в точности соответствующими полярности Петра и Иоанна, о которой мы говорим²⁹. На духовных упражнениях 1993 года его спросили: «Каково взаимо-

²⁷ *Iuvenescit Ecclesia*, 10.

²⁸ Из книги *Прочертить след в истории мира*, где одна из наиболее часто цитируемых мыслей была опубликована в окончательном виде: «Наша добродетель – в сравнении с изначальной харизмой через то эфемерное, которым пользуется Бог. Здесь мы возвращаемся к важности эфемерного. В конечном счете, важно сравнение с личностью, с которой все началось. Она может исчезнуть, но оставшиеся тексты и непрерывная – если будет на то воля Божия – череда людей, указанных нам как ориентиры, как истинное толкование случившегося, станут инструментом исправления и возрождения; они станут инструментом нравственности. Цепь указанных нам ориентиров – это самое живое, что есть в настоящем, ибо текст сам по себе может быть неправильно истолкован; трудно его истолковать неправильно, но такое бывает» (Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 139).

²⁹ В связи с этим стоит обратить внимание на следующий отрывок из книги: L. Giussani. «*Tu*» (*o dell'amicizia*). Р. 130–132. «Нужно прежде всего различать авторитет как *момент* и авторитет как тип присутствия, способность быть присутствием, которое *обычно* становится призывом, обычно стремится стать призывом: когда этот человек присутствует (ты уже это знаешь), он в большей или меньшей мере призывает тебя. Потом, на третьем месте, есть авторитет, роль которого в структуре, в организме Тела Христова, а значит в организме той части Тела Христова, какой является компания по призванию, – представлять собой призыв. Тут ясность могут внести только ответы на ваши вопросы, а иначе получается аналитический разговор. В этом третьем случае остается неизбежным тот факт, что человек, исполняющий такую роль, как таковой является призывом к Господу либо призыв к Господу остается его ролью, его объективной ролью. Тот факт, что в доме есть глава, идея главы дома – это роль, призывающая к Богу: по своей роли, по структуре глава призывает к Богу. И это может быть человек, ко-

отношение авторитета харизмы и личной авторитетности?» Вот его ответ: «Авторитет в рамках харизмы – это авторитет, признанный Церковью. Церковь признает ответственность за харизму. Личная же авторитетность происходит от живого приобщения к тому, кто наделен авторитетом. Я могу обладать авторитетом в рамках харизмы, авторитетом, влияющим на Движение, но и среди вас может быть самый маленький человек, живущий харизмой с такой живостью, с такой искренностью и с таким смирением, что он во всем превосходит меня, и я смотрю на него и стараюсь учиться у него смыслу харизмы, гарантом и главой которой я выступаю. Смысл харизмы открывают те, кто в простоте сердца живет даром Духа Святого и потому фактически является авторитетом. Авторитетность побуждает и созидает. Авторитет обеспечивает дорогу. Авторитет обеспечивает верную дорогу: тот авторитет, что признан Церковью. Авторитетность греет каждый шаг, делает дорогу прекрасной, делает убедительным путь, делает нас более способными на жертву, когда она требуется. Авторитетность есть святость, авторитет – задача»³⁰.

6. Интригующее следствие: почему Петр, а не Иоанн?

Третье замечание – скорее не замечание, а своего рода двойственный вызов или вопрос. На этом этапе можно было бы спросить себя: почему Иисус, Господь, пожелал придать Церкви именно такую форму, почему Он пожелал, чтобы была такая полярность между харизмой и институтом, между Иоанном и Петром? Выражаясь более прямолинейно, как я слышал от моего брата, отца Паоло, увлеченного исследователя Евангелия от Иоанна: если действительно все Евангелие от Иоанна только и делает, что подчеркивает, что Иоанн был *любимым учеником*, самым близким к Иисусу в решающие моменты, самым разумным и глубоким, самым послушным и кротким с Учителем, почему же в двадцать первой главе Иисус не ему, а Петру вверяет задачу пасти овец? Почему Иисус избирает главой не Иоанна, а Петра, который, между прочим, Его предал?

Короче говоря, оставляю вас с двумя вопросами.

Первый вопрос. Почему Господь пожелал, чтобы было непреодолимое напряжение между авторитетностью и авторитетом, между харизмой и институтом, в результате чего нет *единственной точки*, через которую проходит все пророчество, вся благодать, все действие Святого Духа, хотя существует *конечная точка*, служащая критерием распознавания?

торый больше все остальных препятствует нам, так что, чтобы принять его, нужно приложить усилия или преодолеть многие прежние впечатления, стоящие на пути. Как бы то ни было, вот три типа авторитета как чуда. *Во-первых*, авторитет как обособленное событие, как *исключительный момент*: например, чье-то выступление на собрании, которое тебя поражает. <...> Прежде всего авторитет предстает как исключительный момент, призывающий тебя. *Во-вторых*, авторитет как образ жизни, благодаря которому *присутствие человека как призыв* становится обычным делом: если есть это присутствие, будет и призыв к Господу, рано или поздно, так или иначе. И наконец, *в-третьих*, есть авторитет как *роль* и потому как чудо, поскольку тот факт, что в мире существует конечный авторитет, говорящий истину, судящий все суждения людей с точки зрения высшей истины (я говорю о папе), – это абсолютное чудо. Но и то, что в кругу людей, собранных вместе потому, что есть Господь, находится тот, кто ведет за собой, утверждая правильные слова, судя о поведении, тот, кто, даже не зная, как это показать, по духу близок к папе, – это тоже чудо. Он может быть подлецом и исполнять такую роль. И потому авторитетом как ролью не только не нужно пренебрегать: он обнажает чистоту нашего взгляда. И надлежит следовать за ним из-за содержания его роли, которое он нам сообщает, а не из-за того, какой он человек.

Что значит „сообщает содержание своей роли“?

В чем содержание его роли? Призывать нас ко Христу. Поэтому, говоря тебе: „В семь тридцать – утренняя молитва“, – он призывает тебя ко Христу. Таково содержание его роли. Говоря тебе: „Сейчас будет молчание. В этом доме не слишком много молчания“, – он призывает тебя, исполняет свою роль. И возможно, сам этот человек плохо переживает час молчания. Иными словами, тебе помогает не его поведение, а его роль, именно это тебя поражает. Он говорит тебе: „Это да, это нет“, – но не как мнение, а как призыв соблюдать правило [дома]».

³⁰ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo* / A cura di J. Carrón. Milano: BUR, 2020. P. 249.

Второй вопрос. Почему Иисус не избрал самого харизматичного ученика – Иоанна или Павла, а предпочел, чтобы конечным критерием распознавания был Петр?

Я не хочу сейчас отвечать на эти вопросы. Предлагаю каждому поразмышлять над ними. Это способ смотреть на настоящий момент и на будущее нашей компании.